

ПИСАТЕЛЬ СЕНАК ДЕ МЕЙАН И ЕКАТЕРИНА II (1791 г.)

Статья Н. Голицына

I

Как в русской, так, в особенности, в иностранной историографии твердо установился взгляд, что все мероприятия Екатерины II, направленные против Французской революции, были плодом заранее обдуманного намерения, исполненного самого беззастенчивого маккиавелизма. Согласно этому взгляду, Екатерина воспользовалась революционными событиями исключительно для осуществления затаенных замыслов своей политики, главным образом, в отношении Польши. Прикрываясь личиной негодования против деятелей революции и горячего сочувствия к Людовику XVI, на избавление которого из рук «революционной черни» она призывала все державы Европы, она, тем временем, втайне расчищала путь для достижения иных целей, более близко и непосредственно касавшихся политических интересов России в тот момент.

Фактический ход событий, на первый взгляд, казалось бы, всецело оправдывает традиционное воззрение: Екатерина ничего или почти ничего не сделала для того, чтобы не на словах только, а на деле притти на помощь Людовику XVI и его семье. Все свое участие в борьбе средне-европейских держав с революционной Францией она ограничила словесными и письменными призывами к этой борьбе, а между тем, под шум намечавшейся против Франции интервенции, завершила удачным миром свою войну с Турцией, уничтожила польскую конституцию 3 мая 1791 г. и осуществила второй раздел Польши. Признание, исходившее от самой Екатерины и записанное ее секретарем Храповицким, дает подтверждение господствующему взгляду на отношение ее к Французской революции. 14 декабря 1791 г., при разборе московской почты, Екатерина сказала Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские». — Они не очень деятельны, — заметил на это Храповицкий. «Нет, — возразила Екатерина, — прусский бы пошел, но останавливается венский; они меня не понимают. Разве я неправа? Есть причины, которых нельзя сказать; я хочу впутать их в дела, чтоб иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали».

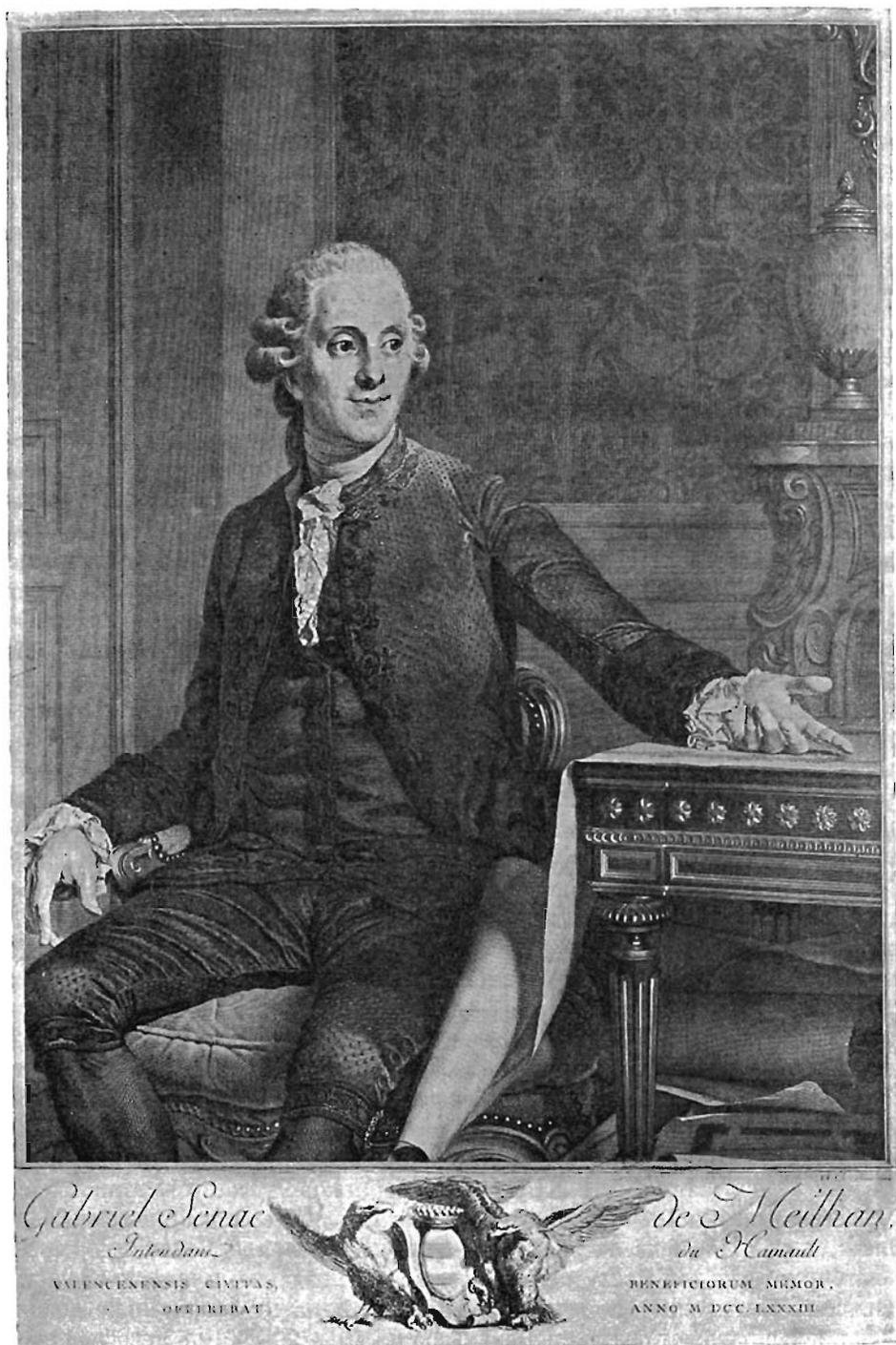
Что может быть яснее и откровеннее этого признания? Екатерина выдала себя головой на суд истории этими немногими словами, оброненными ею в случайном разговоре с одним из своих приближенных. Французская революция с конца 1791 г. стала представляться ей самым подходящим средством, чтобы впутать своих возможных конкурентов в Польшу, Пруссию и Австрию, в такую авантюру, которая могла бы позволить ей

действовать свободно и беспрепятственно на поприще, так давно ею облюбованном.

Таково установившееся мнение, и было бы бесполезно опровергать его, если рассматривать лишь реальные результаты екатерининской политики во все продолжение Французской революции. Но приводимые ниже документы, которые до сих пор не были вовсе использованы исторической наукой, позволяют поставить вопрос в иную плоскость. Они показывают, что политика Екатерины II в отношении Французской революции сводилась не только к использованию революции в целях втянуть во французские дела Пруссию и Австрию, а самой иметь свободные руки для осуществления планов в отношении Польши. Наши материалы показывают, что Екатерина II уже со второй половины 1790-го года начала пристально интересоваться французскими делами и, обеспокоенная развитием событий, угрожавших «делу всех монархов», работала над планами организовать на русские деньги армию принцев для интервенции во Францию.

Интересоваться революцией Екатерина начала сравнительно поздно; на взятие Бастилии она отозвалась лишь несколькими незначительными словами, сказанными Храповицкому, и только 15 ноября 1789 г. она впервые упомянула в письме к Гримму об установившемся во Франции «правительстве башмачников и сапожников»; с тех пор несколько выпадов против революции в письмах к Гримму изредка напоминают о том, что она обращала некоторое внимание на французские дела, но ничто не доказывает, чтобы она живо ими интересовалась. В значительной мере это объясняется тем, что она была слишком занята двумя войнами, с Турцией и со Швецией, чтобы отвлекать свою мысль происходящим на другом конце Европы. Только после мира со Швецией (3/14 августа 1790 г.) Екатерина более пристально стала приглядываться к тому, что делалось в Париже. Прежде всего, она велела своему посланнику во Франции, И. Симолину, выслать на родину всех находящихся там русских (август 1790 г.)¹. В письме к Гримму от 12 сентября она впервые употребляет, говоря о Национальном собрании, выражение, которое потом часто встретится в ее переписке: «гидра о тысяче двухстах головах». Упомянув в том же письме о Марии-Антуанетте, Екатерина, как будто, берет на себя некоторое обязательство притти ей на помощь: «Французская королева, — пишет она, — может рассчитывать на то, что я сочту себя обязанной помогать ей всюду, где я смогу быть ей полезной; друг и верная союзница ее братьев [т. е. Иосифа II и Леопольда II] не может думать иначе»².

Эти признаки более усиленного внимания к французским делам после заключения мира со Швецией изобилуют в переписке Екатерины с Гриммом и в первые месяцы 1791 г. Так, 13 января она пишет ему: «У меня кровь кипит за 700 миль от вашей родины, когда я вижу, что там происходит... Никогда не знаешь, живы ли вы среди убийств, массовых избиений и смут в гнезде разбойников, которые овладели управлением Франции и которые превратят ее в Галлию времен Цезаря. Но Цезарь их покорил. Когда же придет этот Цезарь? О, он придет, не смейте в этом сомневаться»³. 15 апреля Екатерина, после новой выходки против революции, прибавляет: «Ma basta, я бы сочинила более обширную записку, чем все то, что было написано от начала «демократии»; если в этом огромном вопросе я дала волю своему перу, оно рассказало бы вам недурные вещи и насукачило бы вам до смерти»⁴.

Gabriel Senac
Intendant

VALENTINENSIS CIVITAS,
OBTINUIT

de Meilhan
de Hamault

BENEFICIORUM MEMOR.
ANNO M DCC LXXXIII

СЕНАК ДЕ МЕЙАН

Гравюра Ш. Бервика 1783 г., с портрета работы Ж. Дюплесси

Музей изобразительных искусств, Москва

Вот полупризнание, которое должно быть отмечено. Исполнила ли Екатерина свое намерение «сочинить обширную записку» по поводу революции? Я считаю себя вправе ответить утвердительно на этот вопрос. Обстоятельства, заставившие ее взяться за перо, до сих пор не были выяснены, ибо в поле зрения исследователей не попал ряд важных для решения данного вопроса документов, и, кроме того, занимавшиеся этой эпохой, видя и изучая результаты контрреволюционной политики Екатерины II, часто не принимали во внимание те перемены, которые претерпела эта политика в разные эпохи революции.

II

Французский историк де Ларивьер в своей книге «Catherine II et la Révolution française» (Париж, 1895) посвятил несколько интересных и живо написанных страниц пребыванию в России писателя Сенака де Мейана. Сенак был сыном лейб-медика Людовика XV и родился в 1735 г.; всю свою юность он провел при дворе, в зрелые годы занимал должность губернатора в нескольких провинциях, затем был главным интендантом армии; в 1788 г. он даже хлопотал о назначении его генеральным контролером финансов, но эта должность была занята Неккером. Он был плодовитым писателем-публицистом; начал он свое писательское поприще с довольно обычной в его время литературной подделки, выпустив в свет фальшивые «Mémoires d'Anne de Gonzagne, princesse Palatine», им самим составленные; затем он обратил на себя внимание книгой «Considérations sur la richesse et le luxe», где полемизировал с Неккером. Ему же принадлежат: «Considérations sur l'esprit et les mœurs» (1787), «Du gouvernement, des mœurs et des conditions en France avant la Révolution» (1795), «Des principes et des causes de la Révolution en France» (1790, 1791), «Mélanges de philosophie et de littérature» (1799), два романа «Les deux cousins» (1790) и «L'Emigré» (1797) и др. Сенак де Мейан не принадлежал к числу выдающихся писателей даже своего времени; это был лишь типичный *bel esprit* XVIII века, хорошо владевший пером, писавший трактаты с претензией на ученость и романы с претензией на сатиру, но не обладавший ни познаниями истинного ученого, ни необходимою для сатирика высокой принципиальностью. В октябре 1790 г. он обратился к Екатерине II с письмом, в котором предлагал ей свои услуги для того, чтобы написать историю России в XVIII веке и, в частности, в ее царствование. Началась переписка через посредство русского резидента в Венеции, Мордвинова; Екатерина согласилась на приезд Сенака де Мейана в Россию, и в начале марта 1791 г. он пустился в путь.

Ларивьер обосновал свой рассказ о пребывании Сенака де Мейана в России на напечатанных в XLII томе «Сборников Русского Исторического Общества» письмах к нему Екатерины, на переписке ее с Гриммом (Сборники, т. XXIII) и на очерках Сент-Бёва и Лескюра о Сенаке, довольно благоприятных для последнего. Более позднее издание, а именно «Сочинения имп. Екатерины II», изданные Академией наук, значительно дополняют и исправляют сведения Ларивьера (т. XI, 1906 г.), но не ослабляют его выводов относительно личности Сенака де Мейана. «Вульгарный честолюбец,—пишет о нем Ларивьер,—придворный, лишенный такта, Сенак поехал в Россию с единственной целью занять там важный пост. Из своей работы по русской истории он оставил лишь несколько страничек, которые не пришлись по душе Екатерине или которых она, может быть, даже

и не прочла целиком, и вывез из своего путешествия лишь смехотворную параллель собора св. Петра в Риме с Екатериной II, образчик грубой лести и литературного безвкусия».

Но, помимо указанных документов, цитированных Ларивьером и обнародованных в «Сочинениях имп. Екатерины II»⁵, существует еще целый ряд неопубликованных (в большей своей части) проектов, записок и заметок Екатерины, которые бросают неожиданный свет на обстоятельства приглашения Сенака де Мейана в Россию и его пребывания там.

В фондах бывш. Государственного архива (ныне перевезенных в Москву и хранящихся в ГАФКЭ) хранится значительное количество бумаг Екатерины, относящихся к ее сношениям с иностранными державами. Сюда входят собственноручные проекты депеш и инструкций ее представителям за границей, заметки по поводу их донесений, записки к ее министрам, рассуждения по вопросам внешней политики, и все это по большей части недатированное, написанное наспех, одним росчерком пера. Это, так сказать, лаборатория дипломатии Екатерины II, вскрытая ею самой. Это ценное собрание бумаг было использовано до сих пор в такой незначительной степени, что можно считать его как бы совершенно неопубликованным. К некоторым документам этого фонда мне и хотелось бы привлечь внимание читателей⁶.

13 марта 1791 г. Екатерина написала Сенаку де Мейану письмо, которое он должен был получить по приезде своем в Варшаву и в котором она указывала ему, как он должен был объяснять всем спрашивающим причину своего путешествия в Россию: «Мне кажется,—писала она,— что проще всего и ближе всего к истине будет, если вы поводом к вашей поездке укажете не что иное, как любознательность путешественника и писателя, который, будучи удален обстоятельствами от дел, рад воспользоваться своим досугом, чтобы собрать материалы для истории; что, зная, что моя частная библиотека довольно богата рукописями по русской истории, вы проведете несколько месяцев в Петербурге, дабы ознакомиться с ними, и что вы имеете надежду и обещание, что эти рукописи будут вам сообщены».

К чему эти предосторожности, так мало свойственные привычкам Екатерины, когда ей нужно было привлечь какого-нибудь выдающегося иностранца к своему двору? Не имела ли она особого основания к тому, чтобы, по возможности, окутать какой-то сугубой тайной факт предстоящего прибытия Сенака де Мейана в Петербург? В конце апреля Сенак явился в столицу России. В записке императрицы к графу Безбородко, к которому Сенак должен был прежде всего обратиться по приезде, она предписывает своему министру дать путешественнику отдохнуть дня два, после чего, добавляет она, «лучшее и менее о м б р а ж а подающее может быть, чтоб воскресенье представился яко вояжер, а там ему назначу час в Эрмитаже со мною поговорить после обеда, во вторник что ли?». В записке к самому Сенаку от 3/14 мая Екатерина, назначая день их предстоящего свидания, пишет ему: «Я устно передам вам причину, помешавшую мне видеть вас раньше; я дала несколько дней болтунам выговориться, чтобы сократить их болтовню, и говорила только с принцем Нассау»⁷.

Вот еще предосторожности, которые казались бы совершенно излишними, если бы дело шло только о приеме при дворе писателя, обладавшего некоторой известностью и прибывшего в Россию исключительно с целью писать историю царствования «северной Семирамиды». Только два лица

посвящены в тайну: «фактотум» Екатерины и наиболее доверенный исполнитель ее воли, Безбородко, и ее любимый собеседник в данный момент, адмирал российской службы принц Нассау-Зиген. Последний дал Сенаку понять, каково будет главное содержание его разговоров с Екатериной. При свидании с ним он сказал ему, что императрица будет много говорить с ним о делах Франции, но дальше в своей откровенности не пошел⁸. Нам ничего неизвестно о тех объяснениях, которые Екатерина устно дала Сенаку де Мейану; по поводу мотивов, заставивших ее отсрочить свидание с ним. Но мы имеем возможность установить эти мотивы с помощью нескольких документов из того фонда, о котором упомянуто выше.

III

«Г-н С. д. М. [Сенак де Мейан] имеет репутацию честного человека. Он француз. На французов в настоящее время смотрят в монархических государствах, как на своего рода зачумленных в области политики и государственного управления. Было бы очень желательно выслушать от него самого его исповедание веры, прежде чем говорить с ним о составлении исторического труда, который он намеревается предпринять». Таково содержание записочки Екатерины, хранящейся среди ее неизданных бумаг. Написанная до свидания с Сенаком де Мейаном, она вскрывает интимную мысль императрицы, ее желание знать, с кем она будет иметь дело, и обдумать в соответствии с этим свой образ действий. Но действительно ли «составление исторического труда» интересовало ее больше всего в ожидании появления Сенака де Мейана при ее дворе? Среди рукописей Екатерины, входящих в состав собрания неизданных бумаг ее по вопросам внешней политики, находится лист с нижеследующим заголовком, написанным ее разгонистым и четким почерком: «Тетради (cahiers), содержащие мысли и советы, клонящиеся к восстановлению монархического правления и к защите христианской религии в королевстве Франции». Этот заголовок относится к целой серии бумаг, трактующих один и тот же предмет, и, что особенно знаменательно, имя Сенака де Мейана несколько раз встречается в них. Но, помимо того, и что еще важнее, не может быть никакого сомнения в том, что эти «тетради» были составлены Екатериной до приезда Сенака де Мейана и ввиду его приезда. Они имели целью служить ему руководством в тех переговорах, которые императрица намеревалась поручить ему. Вот, во-первых, несколько строк, непосредственно касающихся этих переговоров:

«Г-н С. д. М. получит от меня письмо для графа д'Артуа, с тем, чтобы последний дал полную веру тому, что он ему скажет от моего имени; такое же письмо он получит и для принца Конде». Какова же цель предполагаемой миссии Сенака? Несколько страниц, писанных целиком Екатериной, дают исчерпывающий ответ на этот вопрос. Привожу из них несколько выдержек:

1) Г-н С. д. М. под предлогом здоровья должен отправиться к пизанским или другим каким водам в Италии; оттуда он проедет в Турин.

2) По прибытии в Турин он должен попытаться узнать, каковы мысли принцев, а именно графа д'Артуа и принца Конде, в отношении происходящего во Франции.

3) Каковы намерения короля сардинского в том же отношении.

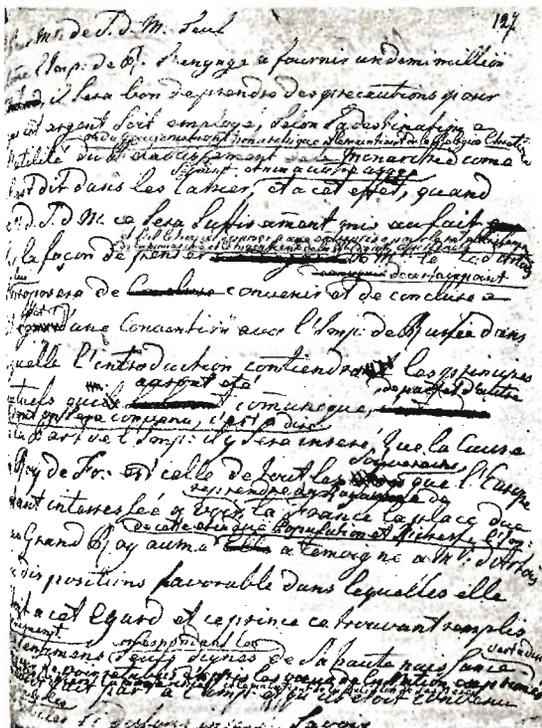
4) Он должен по тому же предмету попытаться переговорить с г. Калонном; мнения последнего напечатаны, и, повидимому, он рассеял всякого

СТРАНИЦА ЗАПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II
О ДЕНЕЖНОЙ СУБСИДИИ
ФРАНЦУЗСКИМ ПРИНЦАМ

Сверху помета:

«Только для г. С[енака] де М[ейана]»

Архив феодально-крепостнической эпохи,
Москва

рода сомнения относительно своих взглядов на обстоятельства, касающиеся его родины.

5) Если принцы и сардинский двор намерены остаться пассивными зрителями всего происходящего во французском королевстве, то, конечно, никто не имеет права вмешиваться, и этим все сказано; но

6) если принцы, исполненные ревности к делу монархии и к судьбе собственного своего дома и существования, в чем нельзя сомневаться, имеют намерение выработать план действий, направленный к тому, чтобы дать их родине возможность снова занять подобающее ей место в Европе, тогда нужно условиться относительно средств, и

7) г. С. д. М. имеет разрешение дать им понять, что в случае, если бы у принцев нехватало денежных средств, императрица всероссийская охотно будет содействовать успеху такого предприятия, лишь бы оно было поставлено на прочные основания для обеспечения его удачного исхода. Пусть они почтят императрицу своим доверием, а она, со своей стороны, будет им верной помощницей.

8) Все остальное сказано в приложенных тетрадях.

9) Королева Елизавета одолжила некоторую сумму денег Генриху IV, чтобы помочь ему овладеть престолом его предков. Она в обмен требовала у него Кале, Дюнкирхен и провинцию Бретань. Екатерина Вторая охотно одолжит принцам 500 тысяч рублей, чтобы выручить из пленения короля и королевскую семью и избавить его королевство от анархии; принцы возвратят ей эту сумму, когда смогут, но она ничего не требует от них, кроме их дружбы и обязательства, что она не будет названа во время предприятия и даже после него, ибо это окажет существенную услугу всей Европе; если же она будет названа, другие державы могли бы оказать

делу менее горячее содействие или даже помешать его успешному окончанию.

10) Когда в обладании г. С. де М. будут результаты вышеизложенных сведений или когда он будет осведомлен относительно всех указанных выше данных, он отправит подробное изложение их через курьера кн. Белосельского⁹, с каковой целью предъявит ему прилагаемый приказ; впрочем, князю Белосельскому ничего неизвестно относительно этого плана, и не усматривается никакой необходимости сообщать ему о нем; напротив того, на обращенные к нему вопросы он будет в состоянии совершенно искренно отозваться, что он ничего о нем не знает».

Эта записка, состоящая из 10 пунктов, имеет и продолжение, содержащее пункты с 11-го по 27-й и озаглавленное «*Jetées nécessaires à tirer au clair*» (наброски мыслей или предположений, которые необходимо выяснить). Здесь содержится ряд вопросов и рассуждений по поводу французских дел и целая программа того, что должны предпринять принцы после своего вторжения на территорию Франции. В 26-й статье мы снова встречаемся с той мыслью, которая в предыдущей записке касается участия самой Екатерины в проектируемой интервенции во Францию: «Чем более силы принцев будут казаться ничтожными вначале,—пишет она,—и чем более помощь императрицы российской будет скрыта от держав, которые могли бы помогать принцам, тем более эти державы приложат усилий, чтобы им содействовать; а чем менее будет известно во Франции, каковы средства, коими принцы располагают, тем менее сил будет двинуто против них и тем блистательнее окажется их успех».

Другая записка, в заголовке которой написано: «*Pour M-r de S. de M. seul*» («Только для г. Сенака де Мейана»), трактует вопрос о той денежной субсидии, которою Екатерина собиралась снабдить братьев Людовика XVI и о которой она говорит в статье 9-й приведенной выше записки. Екатерина хотела придать делу о субсидии форму конвенции в 9 статьях. Вступительная часть проекта этой конвенции формулирована так: «Ввиду того, что императрица всероссийская принимает на себя обязательство выдать полмиллиона руб., признается необходимым принять меры предосторожности в том отношении, чтобы эта сумма была употреблена согласно своему назначению, в пользу восстановления монархии или монархического правления и охранения христианской религии, как сказано об этом в п р и л о ж е н н ы х т е т р а д я х, а не для какого-либо иного употребления; и в этих видах, когда г. С. д. М. в достаточной мере ознакомится с образом мыслей графа д'Артуа и если он найдет его склонным к предприятю, направленному в пользу восстановления монархии и охраны христианской религии, он предложит ему сговориться и заключить с этой целью конвенцию с императрицей всероссийской, вступительная часть коей имеет содержать в себе общие принципы, сообщенные обеими сторонами и согласованные между ними, а именно со стороны императрицы в ней будет оговорено: что дело короля Франции есть дело всех государей; что так как Европа заинтересована в том, чтобы королевство Франция снова заняло то место, которое должно принадлежать державе таких размеров, такой густоты населения и такого богатства, то императрица заверила графа д'Артуа в тех благоприятных намерениях, коих она держится в этом вопросе, и ввиду того, что и этот принц, оказавшийся исполненным соответствующими чувствами, единственно достойными его высокого рождения, т. е. желанием увидеть восстановленными,

согласно пожеланиям нации, выраженным в наказах, монархию и религию его предков, сообщил об этом императрице, то они согласились между собой установить нижеследующие статьи». В этих статьях, с одной стороны, граф д'Артуа берет на себя обязательство употребить все силы для избавления Людовика XVI и его семьи из плена и для восстановления монархии во Франции, а с другой стороны, Екатерина обязуется выдать ему одновременно 500 тысяч рублей для образования необходимого для такого предприятия корпуса войск, который должен быть поставлен под начальство принца Конде и других опытных полководцев. Императрица

КАРЛ НАССАУ-ЗИГЕН
Миниатюра на кости Ф.-Г. Фюгера
Эрмитаж, Ленинград

не требует ни гарантий этого займа, ни процентов, довольствуясь одним словом графа д'Артуа, что сумма эта будет ей возвращена, когда ему будет возможно уплатить ее. Она настаивает только на том, чтобы она сама не была ни в коем случае названа ни во время предприятия, ни после его успешного окончания и чтобы в набранном на ее средства отряде царствовала самая строгая дисциплина.

Таким образом, Екатерина намеревалась возложить на Сенака де Мейана ответственную миссию при принцах—братьях Людовика XVI по организации контрреволюционной интервенции. Расположенная в пользу французского писателя той перепиской, которую она вела с ним зимой 1790/1791 г., считая его достаточно опытным в ведении сложной дипломатической негоциации, как человека, занимавшего достаточно видные

должности при старом режиме, она задумала доверить ему это дело, не предупреждая его, однако, ни единым словом о своем намерении в тех письмах, которые она ему писала до его прибытия в Петербург.

Ссылка Екатерины в обеих цитированных записках на «приложенные тетради» (*cahiers ci-joints*) показывает, что вся совокупность сохранившихся документов по поводу организации контрреволюционного движения (заголовок их приведен мною выше) была предназначена для «одного» Сенака де Мейана.

IV

Предпринятая Екатериной работа по выяснению ее точки зрения на происходившие во Франции события и по разработке мер, необходимых для восстановления там старого порядка, поражает своей огромностью: более 50 страниц в лист и не подлежащее учету количество мелких замечаний, спешных набросков и отдельных листков, относящихся к тому же предмету, доказывают, до какой степени русская императрица была поглощена этим трудом и какое важное политическое значение она ему придавала. Из всего этого собрания рукописей Екатерины до сих пор был опубликован только один документ. Это обширная записка, начинающаяся словами: «Дело короля Франции есть дело всех монархов» («*La cause du roi de France est celle de tous les rois*»). Она была напечатана (без указания автора) в «Русском Архиве» 1866 г. и перепечатана оттуда в приложении к упомянутой выше книге Ларивьера. В обоих случаях записка отнесена к 1792 г.; но мы вправе теперь утверждать, что, так как она была предназначена для Сенака де Мейана и входила в состав тех «тетрадей, содержащих мысли и советы» и проч., которые должны были служить ему руководством, то время возникновения ее должно быть отодвинуто, по меньшей мере, на один год назад¹⁰.

Содержание этой записки, занимающей 15 полулистов, исписанных сверху донизу, трудно охарактеризовать, ввиду крайнего разнообразия мыслей и беспорядочности в изложении их. Екатерина предлагает в ней образовать корпус войск в 10 000 чел., и притом из иностранцев, к которым присоединилось бы все находящееся в эмиграции французское дворянство; главная задача этого корпуса—разогнать «это собрание адвокатов и молодых неопытных людей», которые только в силу своей дерзости и вопреки воле своих доверителей держат в своих руках судьбу Франции. Екатерина настаивает на возобновлении деятельности старых парламентов и на устройстве нового управления на основе наказов, данных депутатам Генеральных штатов. «Так как вся Франция,—пишет Екатерина,—находится в состоянии полной анархии, то успех хорошо налаженного предприятия должен быть несомненен». Эта мысль о слабости сопротивления, которое могла бы революционная Франция оказать интервенции, красной нитью проходит через весь мемуар. «Вся Франция больна упадком духа» и разбродом мнений, поэтому следует ободрить все консервативные элементы в ней и объединить их вокруг одной программы, главным пунктом которой является восстановление власти короля.

То же собрание собственноручных бумаг Екатерины II содержит несколько документов по отдельным вопросам, так или иначе связанных по содержанию с только-что указанной запиской. Некоторые из этих документов имеют особые заголовки, как, например, «Набросок (*jetée*) относительно освобождения королевской семьи», «Размышления о короле

сардинском», «Об императоре германском», «Об Испании». Первая из этих записок («Набросок относительно освобождения королевской семьи») содержит некоторые любопытные замечания. Несколько выражений и фраз ее, частично совпадая с соответственными местами текста только-что цитированной записки («La cause du roi de France est celle de tous les rois»), вместе с тем, дополняются здесь многими новыми и неожиданными рассуждениями. Среди средств, которые Екатерина предлагает использовать для освобождения Людовика XVI, указываются, например, следующие: «Не может ли живущее в Париже дворянство в полном составе явиться к королю и освободить его из его заключения, так же как и его семью? Не присоединится ли к дворянам и его лейб-гвардия? Полагают, что это освобождение не совершится никогда, если принцы не вступят с военной силой во Францию. Раз король будет находиться вне своей столицы, не вправе ли он тогда отправиться туда, куда он захочет? Не будет ли легче произвести это освобождение из Сен-Клу, а не из столицы? Не выполнит ли этого сам г. Лафайет? За такую услугу нельзя ли обещать ему что-либо, что могло бы удовлетворить его честолюбие? Сам Мирабо не пойдет ли навстречу этому предприятию?». Упоминание имени Мирабо позволяет установить приблизительную дату написания этой записки: Мирабо умер 2 апреля (н. ст.) 1791 г. Значит, Екатерина писала этот «набросок» до получения в Петербурге известия о его смерти. Другое указание позволяет еще более уточнить дату составления «наброска». Он заканчивается в несколько минорном тоне в отношении успеха предприятия: «Повидимому,—пишет Екатерина,—после того, как сам король велел обезоружить в своих покоях, по совету г. Файета [sic!], тех дворян, которые явились предложить ему свои шпаги и свои жизни, нельзя особенно рассчитывать на содействие в восстановлении монархии со стороны короля, у которого недостает либо воли, либо возможности, а может быть, и того и другого, чтобы самому себе помочь в настоящий момент. Но следует при этом заметить, что в данном случае не нашлось ни одного рыцаря Баярда, который, без сомнения, не потерпел бы, чтобы его обезоружили, когда он вооружился на защиту своего короля».

В этом месте Екатерина намекает на происшествие, случившееся 28 февраля (н. ст.) 1791 г. и получившее название «*journée des poignards*», когда группа дворян, явившихся в Тюильри на помощь королю, была обезоружена Национальной гвардией. Весть об этом событии могла дойти до Петербурга лишь в первой половине марта (ст. ст.)¹¹. Таким образом, дата составления «наброска» определяется этими двумя указаниями, содержащимися в нем самом: он мог быть написан между половиной марта и половиной апреля 1791 г.¹².

Записка «Об императоре германском» вскрывает раздражение Екатерины против ее политических противников данного момента и бросает некоторый свет на ее собственные намерения. «Нельзя, повидимому,—пишет она,—рассчитывать всецело на империю и императора [Леопольда II] для быстрого и действительного восстановления вещей. Впрочем, немало заигрываний происходит между венским кабинетом и лондонским. Последнего и следует больше всего опасаться в контрреволюции, ибо «демон-кратия» заставила до невероятной степени нагнуть чашу весов в пользу Англии и ее союзницы Пруссии. Они не пренебрегут никаким средством, чтобы продлить ее [т. е. «демон-кратию»] насколько возможно долго, и уже теперь прусский посланник в Париже втирается сколько может в круги

предводителей демократии и тех, кто посещает клуб якобинцев¹³. А между тем, когда они заметят, что императрица всероссийская поддерживает принцев, они не преминут удвоить или, по крайней мере, усилить свою зажигательную деятельность».

Вот причина, почему Екатерина хотела во что бы то ни стало сохранить инкогнито в своих отношениях к эмигрантам и скрыть истинную цель приглашения Сенака де Мейана в Россию.

Записка с заголовком «Об Испании» сопровождается интересным добавлением, в котором Екатерина высказывает несколько сомнений относительно искреннего желания графа д'Артуа, признанного вождя эмигрантской контрреволюции, способствовать успеху предприятия. «Может быть, он отчаивается в успехе,—замечает она,—может быть, он признает дело неосуществимым, ознакомившись с местными условиями, может быть, наконец, он связан приказаниями или предписаниями короля, своего брата, и страхом повредить еще более интересам последнего?». В том же документе Екатерина упоминает о Калонне и, в связи с ним, о Сенаке де Мейане. «Г-н Калонн проехал через Мюнхен в Баварии, говорят, что он едет в Вену; полагают, что было бы благовременно и полезно, чтобы г. С. д. М. [Сенак де Мейан] попытался встретиться с ним по пути и чтобы он переговорил с ним обо всем том, что содержится в этих тетрадах, частью составленных (*calqués*) по писаниям г. Калонна, чтобы он также постарался раскрыть и изучить взгляды последнего, и если он найдет их соответствующими тем, которые высказаны выше, условился бы с ним о возможностях и средствах достигнуть успеха. Г-н Калонн видел в Турине графа д'Артуа, у них были там долгие совещания; г. Калонн должен в особенности хорошо знать намерения короля Франции и причину поездки графа д'Артуа в Венецию. Это облегчило бы всю остальную часть миссии г. Сенака де Мейана. Если бы оказалось правдой, что граф д'Артуа удалился от сардинского двора, что он без крова и в бегстве, без помощи и защиты, как предполагают иные, то было бы как раз своевременно, если его взгляды ни в чем не противоречат этому, предложить ему то денежное вспомоществование и те советы, которые сформулированы в настоящих тетрадах; они будут тем действительнее, что упадут, как манна небесная, в такую минуту, когда их меньше всего можно было ожидать».

Граф д'Артуа приехал в Венецию 10 января (н. ст.) 1791 г. с намерением дождаться здесь проезда императора Леопольда II, тогда как Калонн в это же время направился в Вену, чтобы устроить это свидание. Граф д'Артуа пробыл в Венеции до 3 марта, после чего вернулся в Турин, не дождавшись императора, и лишь 17 мая он имел с ним свидание в Мантуе¹⁴. Эти подробности помогают установить приблизительную дату записки Екатерины: она должна была быть написана до получения ею известия о возвращении графа д'Артуа в Турин (3 марта н. ст.). Но, вместе с тем, возникает одно недоумение: как мог Сенак де Мейан встретиться с Калонном по пути в Вену и переговорить с ним по существу вопросов, заключавшихся в известных нам «тетрадах», когда таковые еще не были сообщены ему? Сенак до отправления своего в Россию жил в Венеции; повидимому, у императрицы возникло одно время предположение посвятить его в замышляемое ею дело еще до личного с ним знакомства, снабдив его всеми необходимыми материалами в месте его пребывания, и тем ускорить осуществление ее идеи. Она затем отказалась от этого намерения и продолжала готовить свои пространные записки в ожидании приезда

Сенака в Петербург, чтобы встретить его вооруженною всеми сведениями о французских делах, какие ей были доступны, не открывая ему заблаговременно цели его вызова в Россию. Таково единственное, мне думается, объяснение, которым можно разрешить вызываемый приведенной запиской Екатерины вопрос.

V

Наконец, одна записка, начинающаяся той же излюбленной формулой «La cause du roi de France est celle de tous les rois», заслуживает особого внимания. Она касается вопроса об участии короля шведского Густава III в предполагаемом вторжении во Францию. Известна роль, которую Густав захотел сыграть в подавлении революции. Чтобы быть ближе к будущей

La cause du Roy de France est celle de ^{142.}
 tout les Roys.
 L'Europe est interessée à voir remettre
 à la France la place due à un Grand
 Monarque.
 Veux contribuer &

СТРАНИЦА ЧЕРНОВОЙ ЗАПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II О ВОССТАНОВЛЕНИИ СТАРОГО ПОРЯДКА
 ВО ФРАНЦИИ

Архив феодально-крепостнической эпохи, Москва

арене борьбы, он 24 мая 1791 г. покинул Швецию и прибыл 14 июня в Аахен¹⁵. «Проявляя на этом германском театре,—говорит Сорель,—суевливую торжественность и несколько смешную эффектность, которыми он оттенял все свои поступки, даже самые серьезные и самые благородные, он выставлял себя в роли вождя партии и становился в позу предводителя и оруженосца монархической Европы»¹⁶. Намерение Густава III нашло столь же горячую, сколь небескорыстную поддержку со стороны Екатерины. Постоянно колеблясь, со времени мира с Россией, между двумя враждебными лагерями, Россией—с одной стороны, Пруссией и Англией—с другой, и науськиваемый двумя последними на то, чтобы возобновить наступление против своей северной соседки, Густав в течение зимы 1790/1791 г. постарался извлечь из обеих сторон наибольшие выгоды для себя, не высказываясь ни за ту, ни за другую. Но к весне он соблазнился перспективой стать главным действующим лицом в восстановлении старого порядка во Франции; он почувствовал себя настолько ослепленным ролью, которую мечтал сыграть, что пренебрег непосредственными интересами своего королевства и весь ушел в это предприятие, к великому удовольствию Екатерины II. Уже с октября 1790 г. у нее был свой пред-

ставитель в Стокгольме, генерал барон фон дер Пален¹⁷; ему было специально поручено подогреть рвение Густава III к «делу всех монархов». Когда последний выехал в Аахен, Пален сопровождал его туда, а в Стокгольме был назначен постоянный посланник, граф Штакельберг.

Миссия Палена имела успех, цель была достигнута. Вспоминая в конце июля 1791 г. о беспокойствах, доставленных ей Густавом III, Екатерина имела право сказать Храповицкому: «Я рада, что на время могла его занять французскими делами»¹⁸.

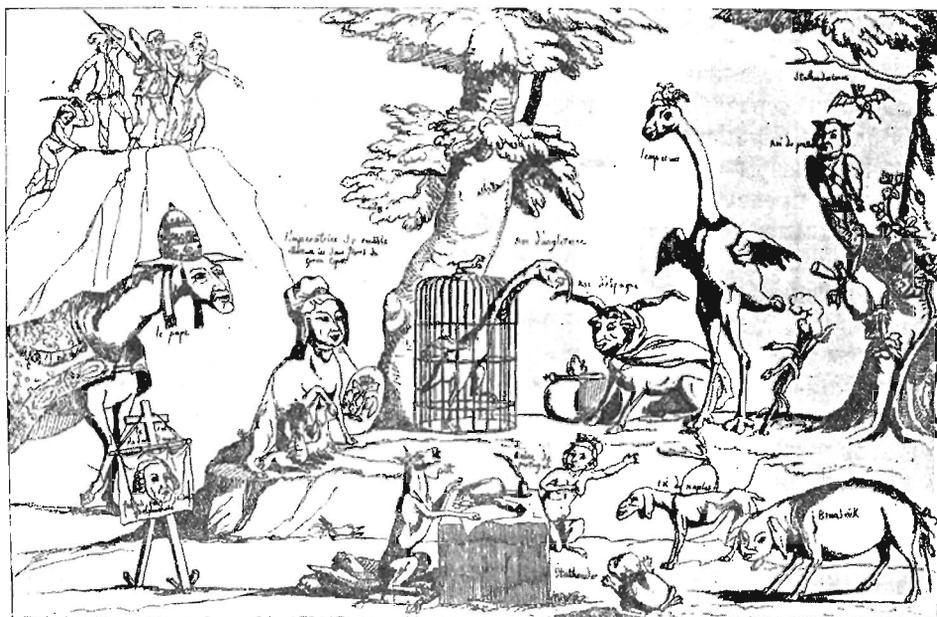
К достижению этой цели и направлен тот мемуар, о котором идет речь. В черновой рукописи его имелся следующий заголовок, впоследствии зачеркнутый императрицей: «Сводка того, что барон фон дер Пален имеет сказать королю шведскому касательно дел Франции». Таким образом, мемуар первоначально не был предназначен для Сенака де Мейана, но совпадение многих его выражений с таковыми же в большой записке («La cause du roi de France») позволяет думать, что он изготовлялся Екатериной одновременно с последней, т. е. в первые месяцы 1791 г., и можно допустить, что он также должен был быть сообщен и Сенаку в виде материала вместе с прочими приложениями к большой записке, охарактеризованными выше. «Густав III, продолжатель Густава-Адольфа,—пишет Екатерина,—идя по стопам этого героя, не может ли соединиться с принцами французской крови и, заставив их выбрать себя предводителем их войска по примеру Густава-Адольфа, сыграть во Франции еще более блестящую роль, снова возведя на престол предков одного из потомков Генриха IV и Людовика XIV, законного государя? Корпуса войск в 10 000 человек было бы достаточно, чтобы пройти всю Францию из конца в конец в настоящий момент. Чтобы иметь такой корпус, достаточно было бы полумиллиона рублей. Столь незначительная сумма могла бы быть добыта посредством займа в Генуе, а Франция со временем погасила бы этот долг».

Екатерина не обещает здесь сама ссудить эмиграции эту сумму, как она это делает в записках, предназначенных для Сенака де Мейана; но так как и там она предполагала свою денежную помощь облечь в форму займа в Генуе, то следует полагать, что и в настоящем документе она имеет в виду финансировать этот заем, тщательно скрыв свое участие в нем.

К мемуару присоединен проект соглашения между королем шведским и принцами. Статья 3-я этого проекта изложена так: «Так как с этой целью [восстановления монархии во Франции] необходимо иметь корпус регулярных войск, то принцы обещают присоединить те войсковые части, которые они набрали, к тем, которые е. в. король шведский великодушно предназначил для этого дела, а для установления большего единения, дружбы и согласия между принцами и е. в. королем шведским принцы возлагают на него и избирают его главнокомандующим тех и других войск, давая обещание служить под начальством государя столь же доблестного, сколь опытного и исполненного рвения к общему делу, выше сего означенному». Король должен составить совет, «куда имеют войти принцы и несколько мужественных и разумных лиц» (ст. 6). В заключительной части соглашения выражена мысль, что ввиду полного «разброда мнений» между французами, хотя бы и самыми благонамеренными, относительно способов осуществления предприятия, личность короля шведского должна оказаться тем центром и связующим звеном, которые необходимы для успеха дела, и поэтому-то он должен быть выбран и всеми признан «предводителем монархической или королевской федерации». «Если бы он, посо-

ветовавшись с принцем Конде и гр. д'Артуа, стал во главе всего только десятитысячного отряда, то мы увидели бы, как все французское дворянство стекло бы под его знамена; его лагерь вызвал бы вновь к жизни старый рыцарский дух, и контрреволюция не могла бы встретить серьезных препятствий».

Таковы были мысли, которые Екатерина внушала своему шведскому соседу. Они значительно отличаются от тех, которые она высказала в писаниях, предназначавшихся для Сенака. Екатерина хотела заставить Густава III поверить, что наилучшее удовлетворение своей жажды деятельности он может найти в борьбе с революцией, а отнюдь не в новой аванюре против

«КОАЛИЦИЯ КОРОЛЕЙ ИЛИ КОРОНОВАННЫХ РАЗБОЙНИКОВ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Народный французский лубок времени первой коалиции (1793 г.)

Изображены: Питт — лисица (рассыпает деньги), английский король — индюк, король испанский — бык, император австрийский — страус, Екатерина II — свинья, кормящая своим молоком братьев французского короля, король прусский — филин, герцог брауншвейгский — борз, папа — осел и др.

На заднем плане — Французская республика ведет отряд республиканской армии, который должен разогнать псю шайку разбойников

Исторический музей, Москва

России, на что его подбивали недоброжелатели России, король прусский и Питт. Свою денежную помощь контрреволюции она обуславливала только одной оговоркой: она требовала, чтобы восстановление монархии во Франции совершилось по программе Калонна, т. е. чтобы в основу будущего государственного устройства были положены наказания, данные тремя сословиями депутатам Генеральных штатов; никакой иной программы она не допускала. Она, конечно, ошибалась относительно легкости предприятия, и от этого мнения она не отказалась в течение всего 1791 г.: «2000 казаков и 6000 кроатов достаточно, чтобы расчистить путь от Страсбурга до Парижа», — писала она Гримму в сентябре этого года¹⁹; десятка тысяч человек, как мы видели, казалось ей достаточным для той

же цели в ее записках Сенаку де Мейану и Густаву III. Это соответствовало и ее интересам в момент, когда она старалась вовлечь своего беспоконного шведского соседа в интервенцию против Франции: нужно было изобразить предприятие достаточно легким и не требующим больших усилий. Но впоследствии, когда другие мотивы заставили ее толкать Пруссию и Австрию на решительные действия против революции, она уж не вернулась к этим иллюзиям, да они и не отвечали больше ее расчетам: чтобы проповедывать союз двух великих держав против Франции, важно было не преуменьшать, а, напротив того, преувеличивать опасность революции для Европы и силу революционных армий.

VI

Предшествующий разбор неизданных бумаг Екатерины II позволяет сделать ряд выводов. Екатерина стала внимательно приглядываться к событиям, развертывавшимся во Франции, лишь в последние месяцы 1790 г. и в первые месяцы 1791 г. В этих событиях она прежде всего увидела грозившую «делу всех монархов» опасность, и, с единственной целью положить предел дальнейшему росту этой опасности, она занялась выработкой плана восстановления абсолютной монархии во Франции. Она еще не думала об образовании какой-либо европейской коалиции против революционной Франции; ее намерения заключались только в том, чтобы дать эмигрантам, как партии, наиболее близко заинтересованной в монархическом перевороте, средства активно участвовать в том, что ей казалось так легко выполнить, ссудив их некоторой суммой денег. Дав «волю своему перу», Екатерина формулировала приходившие ей в голову мысли в целом ряде записок, составивших «тетради», которые должны были служить руководством для лица, намеченного быть ее представителем при заинтересованной стороне. Но на кого именно она возложит эту миссию? Никто из видных представителей эмиграции, который мог бы сообщить императрице точные сведения о происходившем во Франции и о намерениях братьев Людовика XVI, еще не появлялся на петербургском горизонте, а из окружающих Екатерину никто не казался ей подходящим для этого поручения. Предложение Сенака де Мейана приехать в Россию, чтобы писать историю ее царствования, внушило Екатерине мысль воспользоваться этим случайным обстоятельством, чтобы возложить на него поручение быть ее представителем при принцах. Предрасположенная в его пользу его репутацией, как человека честного и писателя, не лишеного некоторых достоинств, она, никому об этом не сообщая и, прежде всего, тому самому лицу, на которое она собиралась возложить эту деликатную миссию, разработала в тиши своего кабинета целый план действий, в котором Сенаку должна была принадлежать первенствующая роль.

Сенак де Мейан был представлен императрице в ее Эрмитаже (в Петербурге) в воскресенье 4/15 мая; во вторник 6/17 мая он был принят ею в Царском селе и провел в разговоре с нею около часа²⁰. На следующий день Екатерина написала ему очень интересное письмо, в котором она дает свою собственную характеристику. Это было свидетельство доверия, которое она не оказала бы первому встречному²¹. Несколько дней спустя (16/27 мая) она пишет Сенаку де Мейану: «Я попрошу вас в один из дней наступающей недели приехать ко мне, и тогда вы мне скажете все то, что вы, как вы думаете, забыли сказать... Я надеюсь, что при третьем разговоре вы без труда будете беседовать со мной». Так как Сенак до 22 мая

проболел, то он был принят императрицей лишь 29 мая (9 июня)²². Это было их последнее свидание; после этого Екатерина виделась с ним только один раз за обедом в Царском селе, куда он был приглашен перед своим отъездом в Москву; но после обеда он не был принят в особой аудиенции, как он того ожидал, и должен был удалиться, не поговорив с Екатериной вновь²³. Что же произошло между вторым свиданием его с императрицей 6 мая и беседой их 29 мая?

В своем письме к Екатерине от 27 мая (7 июня) Сенак писал: «Я уже давно узнал с чувствительным сожалением, что причины, которые мудрость вашего в-ва сочла нужным принять во внимание, препятствовали моему желанию явиться перед вами. Вы были добры меня о том предупредить и указать, что вы желали положить предел болтовне, которая, как мне кажется, совершенно прекратилась. Ваше в-во затем дали мне надежду, что вы позволите мне явиться к вам в течение прошлой недели. Признаюсь вам с полной искренностью, я думал, что моя надежда обманута. Я боялся, что я чем-нибудь не угодил вашему в-ву или что мне приписали какие-либо речи или дурно истолковали то, что я сказал, наконец, что у меня сорвалось в моем последнем письме что-либо такое, что не понравилось вашему в-ву»²⁴. Сенак де Мейан, сам того не подозревая, коснулся той загадки, которая могла объяснить перемену отношения Екатерины к нему: после двух разговоров с ним она составила себе о нем определенное мнение, и это мнение было вовсе не в его пользу. 28 мая, читая полученное от Сенака письмо, Екатерина воскликнула: «Ох, скучно—он слишком держится французских принципов»²⁵. Тем не менее, она написала ему в тот же день записку с приглашением приехать на следующий день обедать в Царское село. Но ее мнение о нем уже не могло перемениться: Сенак де Мейан совершенно разочаровал ее в отношении возможности возложить на него ту миссию, которую она ему предназначала. Его главный недостаток состоял в том, что он «слишком держится французских принципов»; это значило, что Екатерина не нашла в нем достаточно послушный отголосок своим собственным взглядам на революцию. Со свойственной ей ловкостью и всецело занятая своей идеей—сделать из Сенака де Мейана поборника своего плана восстановления монархии во Франции при братьях Людовика XVI, она вызвала его на разговор о событиях дня и очень скоро разгадала, что он далеко не разделял ее собственных мнений.

Дело в том, что Сенак де Мейан не был эмигрантом в прямом значении этого слова; он подумывал даже вернуться во Францию, чтобы занять там какой-нибудь видный пост. Он не принадлежал—надо отдать ему в этом справедливость—к тому типу эмигрантов, которые вскоре после того появились при всех европейских дворах, с узким и односторонним кругозором, с мечтами о триумфальном возвращении во Францию и о полном восстановлении там старого порядка, без какой-либо уступки новому порядку и новым идеям революционной Франции. Сенак де Мейан—политический писатель, и в качестве такового он видел яснее и дальше, чем эмигрантская масса. Он был из тех, «которые усматривали в революции не только преходящее несчастное происшествие, которые изучили ее происхождение, предвидели ее проявления и страшатся ее последствий»²⁶. Его памфлет «Des principes et des causes de la Révolution en France», перепечатанный в Петербурге во время его пребывания там с разрешения Екатерины, доказывает, что в известной мере он правильно расценивал

значение некоторых факторов, в особенности расстройств государственных финансов, в происхождении революции. Спокойствие тона, с которым он говорит о первых этапах революции, выгодно отличает его от большинства его современников, выброшенных событиями за пределы страны. Он понимал всю невозможность возвращения к старому порядку и, как сторонник конституционного режима, установленного Национальным собранием, не мог разделять идей большинства дворянства, группировавшегося вокруг принцев. Сенак был тем, кого в его время называли «monarchien-constitutionnel»,—и вот причина постигшей его неудачи при Екатерине II²⁷.

Она без труда разобрала, с кем она имеет дело. Год спустя после своего последнего свидания с Сенаком де Мейаном она рассказала в письме к своему посланнику при братьях короля Франции, гр. Николаю Румянцову (от 4/15 июня 1792 г.), историю своих сношений с этим писателем, которому не удалось заслужить ее одобрения, и те мотивы, которые заставили ее сначала принять его предложение прибыть в Россию, а затем—отказаться от его услуг. «Примерно два года тому назад,—пишет она,—мой посланник Мордвинов написал мне из Венеции, что г. Сенак де Мейан находится там и желает приехать в Россию, чтобы заняться ее историей. Я знала его только по двум его сочинениям, которые показались мне хорошо написанными. Я расспрашивала всех, кто мог его знать, обо всем, что обыкновенно в этих случаях спрашивают, и узнала, что, будучи интендантом не помню какой провинции во Франции, он вывез отсюда репутацию бескорыстия, которая делала ему честь. В то время я искала кого-нибудь из его соотечественников, который мог бы доставить мне точные сведения о графе д'Артуа, путешествовавшем тогда по Италии. Я подумала, что г. де Мейан мог бы оказаться подходящим для меня, и, чтобы удостовериться в этом, я согласилась на его поездку в Россию, ни разу не заикнувшись Мордвинову, а еще менее того г. де Мейану, с какой целью я его выписывала. Как только он прибыл, мне не трудно было разгадать, что этот человек отнюдь не был лицом, которому я и граф д'Артуа могли бы оказать доверие. Он был первым застрельщиком в демократическом обществе графини де Тессе²⁸; однако, и она и он принуждены были покинуть Францию, потому что и их находили недостаточно крайними»²⁹. Таков приговор, произнесенный Екатериной над писателем, который, сам того не подозревая, навлек на себя ее неодобрение. Она высказалась о нем откровенно лишь целый год спустя после его отъезда; но пока он еще был в России, она свое суждение о нем держала про себя. Так, на вопрос Гримма в его письме от 21 апреля (3 мая) по поводу Сенака де Мейана она ему пишет 3 июня: «Г-н Сенак де Мейан предложил приехать сюда, как писатель, желающий заняться историей России. До сих пор он не состоит на моей службе, но это человек очень приятный в разговоре»³⁰. Три месяца спустя Екатерина описывает его в совсем иных тонах (в письме к тому же Гримму от 1/12 сентября 1791 г.); она издевается над его фатовством, над его манерой поучать всех, кто его слушает, над его самоуверенностью и легковесностью в отношении научных знаний. Этот нелестный портрет она заканчивает так: «Вы когда-нибудь узнаете, зачем я выписала г. де Мейана, но я нашла его не на высоте задачи; обо всем этом б а с т а и м о л ч о к, это только для вас одного»³¹. Но Гримм так никогда и не узнал, для чего Екатерина выписала Сенака де Мейана.

VII

Истинная цель, которую преследовала Екатерина II, привлекая Сенака де Мейана в Россию, была известна в 1791 г. только двум лицам: графу Безбородко и принцу Нассау-Зигену, может быть, также и фавориту Платону Зубову. Но некоторые слухи о цели его приезда все-таки стали ходить в Петербурге. В письме к Сенаку от 11/22 июня Екатерина упоминает об этом: «Вы приехали сюда; толки, которые возникли при вашем прибытии, известны вам; говорили, что на вас возложено передать мне некоторые поручения от графа д'Артуа. Чтобы не дать какого-либо основания столь пустым слухам, я сочла за лучшее дать им время кануть в воду». Что это были за слухи, об этом дают понятие некоторые сообщения французского резидента в Петербурге Жене министру иностранных дел Монморену. Так уже 2/13 мая он извещает последнего, что Сенак де Мейан имел несколько разговоров с императрицей по поводу русских финансов и что весьма возможно, что этому бывшему интенданту будет поручено произвести в России финансовую реформу³². Месяц спустя (6/17 июня) Жене пишет: «Г-н де Мейан недавно получил награду в 10 000 руб.; кроме нескольких проектов, разработанных им с целью улучшения русских финансов, у него, как говорят, имеется секретный план касательно Франции, который он обнаружит только после мира [с Турцией]; он часто видит императрицу и может говорить ей без посредника все, что хочет; положение его таково, что русские министры серьезно думают о средствах удалить его»³³.

DES
PRINCIPES
ET
DES CAUSES
DE LA REVOLUTION
EN FRANCE.

Si le hasard d'une bataille, c'est-à-dire, une cause particulière, a ruiné un Etat, il y avoit une cause générale qui faisoit que cet Etat devoit périr par une bataille.

Montesquieu.

À SAINT-PETERSBOURG, 1791.

De l'Imprimerie Impériale.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
ПАМФЛЕТА СЕНАКА ДЕ МЕЙАНА
«DES PRINCIPES ET DES CAUSES
DE LA REVOLUTION EN FRANCE».
S.-PETERSBOURG, 1791

Зная настоящий ход вещей, мы вряд ли должны заниматься опровержением тех неточных сведений, которые содержатся в приведенных сообщениях весьма плохо осведомленного в данном вопросе французского поверенного в делах. Возможно, что эти слухи пошли вследствие какой-нибудь нескромности или похвальбы самого Сенака де Мейана в начале его пребывания в Петербурге, хотя в своей переписке с императрицей он категорически отрицает, чтобы он говорил с кем-либо о политике вообще и о Франции в частности; наконец, и вся эта переписка почти вовсе не затрагивает политических тем и касается дел Франции лишь мимоходом, без всяких ссылок на какие-нибудь предшествовавшие на эту тему разговоры; это доказывает, что Екатерина хотела заставить Сенака смотреть на эти разговоры, как на простой обмен впечатлений, и что сам Сенак стоял на этой точке зрения, не подозревая, что именно эти-то две-три беседы с императрицей о событиях дня определили провал его карьеры в России.

В нем, однако, зародилось подозрение относительно истинной причины его неудачи: 2/13 июля 1791 г. он писал императрице: «Размышляя о прошлом, я должен полагать, что ваше в-во имели какие-то виды на меня, и я испытываю живейшее беспокойство, когда мне приходит в голову, что что-то в моем поведении, дурно истолкованном, или в моей личности и в моих писаниях могло заставить вас переменить ваши намерения. Может быть, я оказался не соответствующим тому представлению, которое ваше в-во обо мне составили». Это было совершенно справедливо, но Екатерина, конечно, не пожелала настаивать на этом предмете и отделалась от lamentаций Сенака несколькими незначительными фразами³⁴.

Гораздо позднее Сенак де Мейан, возобновляя в своей памяти обстоятельства своего пребывания при дворе Екатерины II, еще ближе подошел к разрешению загадочной для него перемены в обращении последней с ним. В письме «в 30 страниц в лист» (как выразилась Екатерина в своем ответе), написанном ей 3 февраля 1792 г. из Франкфурта³⁵, он вспоминает все перипетии своих отношений с Екатериной: «Ваше в-во,—пишет он,—соблаговолили принять меня в Царском селе [6/17 мая]; разговор не коснулся какого-либо определенного предмета. Вашему в-ву благоугодно было сказать мне, что вы имеете намерение воспользоваться моими услугами, но еще не можете в данный момент сказать мне, в каком именно направлении. Вы заговорили со мной о французских делах с большим интересом, и мое мнение оказалось не вполне соответствующим вашему в отношении видов на будущее, но вы были гораздо более осведомлены, чем я». Вспоминая далее о своей второй аудиенции в Царском селе, Сенак замечает: «До этой минуты не было речи ни об истории России, ни о чем-либо, лично относящемся ко мне; беседа касалась различных предметов и Франции. Мне казалось, что ваше в-во старались меня узнать и не были уверены в своем мнении обо мне; такое испытание смущало меня, и так как разговор не имел определенного содержания, я не мог распространиться относительно своих взглядов и развить их. Я испытывал эту неловкость, и ваше в-во усилили ее, сказав мне: «У вас есть друзья—демократы». У меня, правда, есть близкий мне друг—женщина выдающегося ума, которая увлеклась в первое время идеями, опасность коих она потом признала³⁶. Когда я уходил, мне казалось, что я заметил больше холодности в тоне и в обращении вашего в-ва, и последние слова ваши были: «Вы можете вернуться в город». Эти слова повергли меня в оцепенение; я знал, что те, кто имел честь обедать с вашим в-вом, обыкновенно прово-

дили во дворце весь день и вечером были снова допущены представиться вам и ужинали у г. Зубова или у кого-либо из других лиц двора. Я поспешил уехать в огорчении; я сопоставил несколько обстоятельств, явную перемену в обращении со мной принца Нассау, перемену тона и в приеме, который ваше в-во оказали мне, наконец, этот дом в Царском селе, о котором вы мне не говорили и которого я не занимал... Что произвело эти перемены? Неужели политика? По моим взглядам я бесконечно далек от республиканских идей в применении к Франции; обвинили ли меня в том, что я сторонник новой системы? Ваше в-во не приняло моих нижайших предложений относительно службы; я пробыл два месяца в Петербурге, отказываясь от всякого общества, неуверенный в своей судьбе, все время восстанавливая в своей памяти мое поведение, мои слова и речи вашего в-ва, чтобы выяснить, в чем я мог не угодить вам. Я испросил аудиенцию у вашего в-ва по одному интересному поводу,—вы не удостоили принять меня. Я счел нужным удалиться из России... я сообщил в. в-ву, что буду искать более мягкого для умственной работы климата, и возобновил свои предложения услуг; я добавил, что хочу видеть Москву и часть России. Ваше в-во одобрили мое намерение и удостоили меня приглашением к столу накануне моего отъезда... Секретарь вашего в-ва в момент моего прибытия сказал мне: «Вы откланяетесь императрице в этой комнате, как только обед кончится», другой повторил мне то же самое, и когда обед кончился, он следил за мной, подошел ко мне и сказал, чтобы я откланялся... Когда я только подумаю, что от какой-нибудь четверти часа разговора и от простого намека, который мог бы сделать мне принц Нассау, нисколько не компрометируя себя, зависело, чтобы я рассеял всякие тучи и проводил счастливые и спокойные дни у ног вашего в-ва, то отчаяние овладевает мной».

Екатерина несколько месяцев не отвечала на это скорбное послание писателя, ставшего жертвой непонимания того, чего от него ожидали; и она ответила ему короткой запиской, написанной в ледяном тоне и отправленной на имя гр. Румянцова при письме, которое приведено выше³⁷. Но Сенак не был обескуражен явной неохотой императрицы продолжать сношения с ним. Он хочет во что бы то ни стало играть роль политического советчика и осыпает Екатерину записками о положении дел в Европе и во Франции. Так, 23 июня 1792 г. он извещает ее из Праги об отправке ей мемуара «О способе восстановить законную власть и общественный порядок во Франции»; в том же письме он сообщает, что имеет намерение отправиться в Варшаву, чтобы быть ближе к цели в случае, если бы Екатерине захотелось снова вызвать его в Петербург³⁸. На это письмо она не стала медлить ответом, как на только-что приведенное; оно и понятно: ей вовсе не улыбалось снова выслушивать словоизлияния Сенака де Мейана. Она поэтому поспешила написать ему (8/19 июля 1792 г.) несколько строк, в которых со злой иронией отсоветовала ему «подвергать себя действию сурового климата 60-го градуса широты», а по поводу его мемуара отделалась такой пренебрежительной фразой: «По мне, чтобы спасти Францию, остается сделать только одно—восстановить авторитет короля, а для этого существует только один путь, путь оружия; сто тысяч человек и военное положение—вот что вам нужно, чтобы не погибнуть окончательно»³⁹.

Это было последнее письмо Екатерины к Сенаку де Мейану. Но он не унылся и в дальнейшем, хотя уже не получал ни одной строки от своей высокой корреспондентки. Он продолжал писать и посылать докладные

записки; наконец, не получая никакого отклика на них со стороны императрицы, он стал обращаться к фавориту Зубову со своими предположениями и советами; но петербургский двор хранил упорное молчание на все авансы злополучного писателя, который, вероятно, наконец, понял, с какой целью он был когда-то допущен в Россию и почему он потерпел неудачу.

Следует, однако, признать, что и поведение Сенака при петербургском дворе не мало способствовало неуспеху его поездки. Екатерина в том же своем письме к Румянцову с нескрываемым раздражением отзывается об его «нелепых и неуместных претензиях»: «Он хотел составлять финансовые планы, — пишет она, — потом — быть министром финансов, затем — послом в Константинополе, наконец — писать историю, одним словом, он ни перед чем не останавливался»; он даже предложил Екатерине быть ее библиотекарем⁴⁰. Свои настойчивые предложения услуг Сенак делает чуть ли не в каждом своем письме, и самое разнообразие их свидетельствует только о крайнем легкомыслии их автора и о полном непонимании им обстановки, среди которой ему пришлось бы действовать. Эти «претензии» только подлили масла в огонь, и Екатерина, и без того недовольная Сенаком, рада была отделаться от назойливого француза, обманувшего ее ожидания в главном вопросе, интересовавшем ее в первой половине 1791 г. Она только назначила ему небольшую пенсию в качестве возмещения тех расходов, которые он понес, предприняв поездку на далекий север; пенсия эта аккуратно выплачивалась ему до смерти Екатерины и позволила ему прожить несколько лет в лучших материальных условиях, чем жило большинство эмигрантов; но при Павле I и Александре I Сенак, несмотря на неоднократные напоминания с его стороны, перестал получать пенсию. Умер он в Вене 16 августа 1803 г. Все его бумаги перешли в руки библиотекаря князя Эстергази, некоего Hervé de Marialla, умершего год спустя после Сенака и завещавшего эти бумаги аббату Кенцингеру. В 1805 г. русское правительство выкупило у последнего все документы, относившиеся к сношениям Сенака с Екатериной II; после смерти Александра I они были переданы в Государственный архив и вместе с его фондами перешли после революции в ГАФКЭ, где и хранятся ныне.

VIII

История отношений между Екатериной II и Сенаком де Мейаном показывает, до какой степени Екатерина была заинтересована в первой половине 1791 г. происходившими во Франции событиями, с каким напряженным вниманием она следила за ними и с какой интенсивностью мысли разрабатывала свои планы борьбы с революцией. Если ее идея энергичного наступления эмигрантов, поддержанных монархическими государствами Европы, кажется мало соответствующей условиям, в которых находились обе враждующие стороны, надо, тем не менее, признать, что Екатерина была одной из первых, заговоривших о крестовом походе против революции.

Обстоятельства момента, казалось, благоприятствовали намерениям Екатерины. Ее самые опасные враги, Пруссия и Англия, отступились к весне 1791 года от воинственных замыслов, которые они питали против России; в войне с Турцией она надеялась и принимала энергичные меры к тому, чтобы Франция из бывшей соперницы, какой она была до того, превратилась в союзницу⁴¹. Но когда она убедилась, что вес Франции

в концерте европейских держав свелся к нулю и что там зародилась новая сила, угрожавшая «делу всех монархов», она задумала решительно противопоставить революции все ресурсы, которыми могла свободно располагать монархическая Европа. Ее первая проба, с Сенаком де Мейаном, не удалась. Это не обескуражило ее: она возложила на принца Нассау-Зигена ту миссию, которую предназначала для Сенака; она аккредитовала при братьях французского короля своего посланника при имперском сейме, Румянцова.

Но одно неожиданное событие, которое, по странной случайности, совпало почти день в день с датой приезда Сенака де Мейана в Петербург, омрачило политический горизонт этой весны 1791 г. 29 апреля (10 мая) императрица получила известие о совершившейся 3 мая в Варшаве революции⁴². Польский вопрос вошел клином во все предприятия против Французской революции, обманывая надежды эмигрантов, вызывая соревнование и зависть между державами, противопоставляя интересы одних вожделям других. Екатерина не оставила своих контрреволюционных проектов, как только она узнала о варшавских происшествиях; но ее рвению к делу контрреволюции был нанесен первый и тяжелый удар. Как удачно выразился о ней Валишевский, «комбинации или, лучше сказать, импровизации ее политики нередко оказывают давление на ее убеждения»⁴³. Она умеет отречься от последних без особой борьбы и без сожаления, когда ее вынуждают к тому «*les circonstances, les conjonctures et les conjonctures*» («обстоятельства, предположения, конъюнктуры»), как она любила выражаться, высмеивая дипломатический жаргон своего времени. «Обстоятельства», сопровождавшие революцию 3 мая, отвлекли ее внимание от тех, которые породила Французская революция, и широко задуманные «предположения» померкли перед вновь создавшейся политической «конъюнктурой».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом в I-м томе настоящего издания публикацию: «Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина».

² «Сборники Императорского Русского Исторического Общества», т. XXIII, стр. 493, 496. В дальнейших ссылках «Сборники ИРИО».

³ *Ibid.*, стр. 502, 503.

⁴ *Ibid.*, стр. 505.

⁵ Несколько документов, относящихся к приезду Сенака де Мейана в Россию, и очерк его биографии были опубликованы М. А. Оболенским в «Русском Архиве» за 1866 г., стр. 421—459: «Сенак де Мейан, французский эмигрант XVIII века, и его отношение к России».

⁶ Подавляющее большинство используемых в статье документов—на французском языке. Они даются в нашем переводе.

⁷ «Сборники ИРИО», т. XLII, стр. 152, и «Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 540.

⁸ Письмо Сенака де Мейана к Екатерине от 3 февраля 1792 г.—«Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 619, 620.

⁹ Русский посланник в Турине.

¹⁰ В бумагах Екатерины сохранились еще два проекта той же записки, несколько отличные от напечатанного текста ее. Во втором проекте Екатерина ссылается на «книгу г. Калонна» «*De l'état de la France présent et à venir*» (появилась в октябре 1790 г.) и на полях отмечает: «Предыдущее было написано до прочтения книги г. Калонна, остальное—во время и после прочтения ее». В письме к Гримму от 12 января 1791 г. («Сборники ИРИО», т. XXIII, стр. 402) она пишет о книге Калонна, как об уже прочитанной ею. Отсюда следует заключить, что этот проект записки был написан до указанной даты, вероятно, в декабре 1790 г., что заставляет отнести еще на несколько месяцев назад зарождение записки «*La cause du roi de France*» или ее первоначальную концепцию.

¹¹ Подробное донесение об этом событии поспешил отправить в Петербург русский посланник в Париже, И. М. Симолин. На донесении этом имеется помета, что оно было получено 15 марта ст. ст. См. в I-м томе наст. изд. публикацию «Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина».

¹² Единственной датированной в настоящем собрании бумаг Екатерины является записка с ее пометами: «сего 6 Марта», «сего 7 Марта», представляющая предварительную запись для памяти разных мыслей, вошедших частью потом в большой мемуар «La cause du roi de France». Эта запись была напечатана Соловьевым в приложении к «Истории падения Польши», прил. 10. Интересна заключительная фраза ее: «Принцы сомневаются, стоят ли австрийцы и германские государи за них или за раздел пирога. Из всех держав единственная, которая нисколько не думает о «разделе пирога», а напротив, об его сохранении нетронутым, это Россия».

¹³ См. об этом в I-м т. наст. изд. публикацию донесения Симолина от 1 апреля 1791 г. и комментарии к нему.

¹⁴ Fleury (c-te), Les dernières années du marquis et de la marquise de Bombelles. P., 1906, pp. 158; Soré (A.), L'Europe et la Révolution Française, v. II, pp. 176—178; Daudet (E.), Histoire de l'émigration, v. I, pp. 52—53, 61.

¹⁵ Ohdner, Gustaf III och Katharina II, Stockholm, 1895; p. 35; Léouzon le Duc, Gustave III, roi de Suède, P., 1861, pp. 286—290.

¹⁶ Soré (A.), op. cit., v. II, p. 246.

¹⁷ Петр Андреевич, впоследствии граф, главный инициатор заговора на жизнь Павла I.

¹⁸ «Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793», под ред. Н. П. Барсукова, СПб. 1874, запись от 30 июля 1791 г.

¹⁹ «Сборники ИРИО», т. XXIII, стр. 556.

²⁰ «Дневник Храповицкого», запись от 6 мая 1791 г.

²¹ «Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 623—624.

²² Ibid., стр. 548.

²³ Ibid., стр. 625.

²⁴ «Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 552—553.

²⁵ «Дневник Храповицкого», запись от 28 мая 1791 г.

²⁶ Daudet (E.), op. cit., v. I, p. 129.

²⁷ См. письма Сенака де Мейана к ней по этому поводу в «Сочинениях Екатерины II», т. XI, стр. 547, 585, 588.

²⁸ В салоне графини де Тессе собирались в начале революции Лафайет, Мунье, Лалли-Толландаль и другие лица из группы «беспристрастных», входивших в состав Клуба друзей монархической конституции; это были аристократы-конституционалисты, «правый центр», стоявший за двухпалатную систему и за абсолютное право veto короля.—«Annales Historiques», 1936, № 3, статья Vermale (F.), L'Egérie de Mounier.

²⁹ Бильбасов, Исторические монографии, т. III, стр. 305, 306, и «Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 629—631.

³⁰ «Сборники ИРИО», т. XXIII, стр. 546.

³¹ Ibid., стр. 553—554.

³² Larivière, Catherine II et la Révolution Française, P., 1895, p. 300.

³³ Larivière, op. cit., pp. 326—327 et «Recueil des instructions aux ambassadeurs et ministres de France. Russie», t. II, p. 506.

³⁴ «Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 592—593.

³⁵ Ibid., стр. 621, 628.

³⁶ Это, повидимому, та самая графиня де Тессе, о которой упоминала Екатерина в письме к Румянцову (см. выше).—«Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 628—629.

³⁷ «Сочинения Екатерины II», т. XI, стр. 628—629.

³⁸ Ibid., стр. 631—637.

³⁹ Ibid., стр. 637. Интересно отметить, какую эволюцию пережили взгляды Екатерины в течение одного года: признававшиеся ею в 1791 г. достаточными 10.000 человек превратились в 1792 г. в 100.000.

⁴⁰ Бильбасов, op. cit., т. III, стр. 306.

⁴¹ См. об этом ряд донесений Симолина, опубликованных в I-м томе настоящего издания (донесения о работе русского посла над созданием четверного союза—Франция, Австрия, Испания, Россия).

⁴² См. ее записку к Безбородко в «Сборниках ИРИО», т. XLII, стр. 162.

⁴³ Валишевский, Le roman d'une impératrice, p. 282.